Л.С. Черной

В статье рассмотрены специфика и история становления предпринимательской этики в дореволюционной России, а также ее трансформации в период российских революций, далее в советскую эпоху в период нэпа и позже в артельно-кооперативных формах, а затем в «теневой» системе частного предпринимательства и, наконец, в позднесоветский и постсоветский периоды реформ. Показано, что несколько этапов ломки массовой этической нормативности «на переломах эпох» не могли не приводить к серьезным разрушениям морально-ценностного фундамента жизни во всех социальных группах и во всех стратах общества. Показано, что «переломы эпох» приводили к долговременным и болезненным разрывам между внешней нормативностью государства (нормами писаного права) и внутренней нормативностью граждан, сообществ и общества (массовой моралью и «правом обычая»). Показано, что в советский период власть при организации экономики в значительной степени опиралась на преемственную моральную общинную специфику массового самосознания, включая общинные формы коллективного поощрения и наказания, а также на трансформированные в терминологии коммунизма религиозные этические заповеди. Установлено, что позднесоветские и постсоветские «рыночные» трансформа-

© Черной Л.С., 2018 г.

Черной Лев Семенович, д.э.н., профессор, директор Института перспективных научных исследований, Москва, info@mir.ru

¹ Часть 1 см.: Экономическая наука современной России. 2018. № 1 (80).

ции экономического законодательства, целенаправленная дискредитация массовых нормативно-этических представлений советской эпохи, а также в существенной части незаконная и мошенническая приватизация советской общенародной собственности привели к глубокому хаосу во всей российской институционально-нормативной системе, обеспечивающей экономическую деятельность и социальную устойчивость. Показано, что это создает серьезные препятствия для успешного развития российской государственности.

Ключевые слова: предпринимательская этика, кооперативы, артели, маркетизация, неформальные институты, криминализация, коррупция, негативные экстерналии.

JEL: N80.

ПОСТСОВЕТСКАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ

Принятый Верховным Советом РСФСР летом 1991 г. закон «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР»² обеспечивал всем гражданам России получение именного приватизационного счета для зачисления денег, предназначенных для оплаты приватизируемого государственного имущества. Причем этот закон не разрешал продажу приватизационных вкладов другим лицам. Однако в январе 1992 г. вышел Указ президента РФ Б.Н. Ельцина³, фактически отменявший действие этого закона и предполагавший использовать приватизационные ваучеры, которые не являлись именованными и могли свободно обращаться на рынке, как денежные суррогаты неопределенной стоимости.

При этом вновь напомним, идеология приватизации изначально базировалась на

² Закон РСФСР от 3 июля 1991 г. № 1529-1 «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96/.

³ Указ Президента РФ от 29 января 1992 г. № 66 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_290.

смешении представлений о субъектах собственности. Предприятия, которые в СССР по Конституции являлись *общенародной* собственностью, в терминологии приватизации были названы *государственной* собственностью, и граждане – законные совладельцы этих предприятий – должны были их выкупать у группы лиц, которая действовала как бы от имени государства-собственника. Такая терминологическая подмена, естественно, не могла не вызывать недоумения и возмущения у большинства граждан, которые эту подмену заметили.

Более того, нормативная база приватизации, принятая в кратчайшие сроки без серьезного обоснования и межведомственного согласования, сразу обнаружила свои «дыры».

Не были определены механизмы управления государственной собственностью, а также распределение прав и обязанностей в управлении этой собственностью между центром и регионами. Не было вообще никакой нормативной базы, обеспечивающей контроль приватизации важнейших (в том числе оборонных) активов, а также состояния и использования приватизированной собственности, соблюдения новыми собственниками правил технологической безопасности и требований к качеству продукции.

В 1992 г. одновременно с либерализацией внутренних цен была произведена либерализация внешней торговли. В условиях гиперинфляции и огромного разрыва между мировыми и внутренними ценами на сырье и материалы суперприбыльным по сравнению с любым производством стал вывоз сырья и материалов за рубеж через разного рода СП. Предприятия быстро переправляли за границу производственные запасы, останавливая собственное производство и пряча основную часть прибыли в зарубежных банках.

При этом инфляция достигала 2500% в год, индекс потребительских цен с 1992 по 1995 г. увеличился почти в 1200 раз. Ваучеры, объявленная ценность которых в 1992 г. составляла 10 тыс. р., уже через год почти ничего не стоили. Граждане их вкладывали

в многочисленные чековые инвестиционные фонды (ЧИФы) сомнительного происхождения (в 1992–1993 г. в России действовало около 400 ЧИФ, большинство которых затем бесследно исчезло), в акции разоряющихся предприятий или просто продавали за бесценок (Черных, 2012).

Но главное – в результате гиперинфляции были практически полностью обесценены сбережения населения России объемом около 600 млрд р. – единственные законные и легальные деньги, которые могли бы быть использованы для массовой приватизации активов (Хейфец, 2007). В результате почти весь капитал, способный участвовать в российской приватизации, оказался либо зарубежным, либо полукриминальным и криминальным, накопленным в результате описанных выше незаконных операций с бывшей советской общенародной собственностью.

Сам же процесс приватизации оказался совершенно не обеспеченным законодательной базой и вдобавок предельно непрозрачным. Как позже сообщил доклад Счетной палаты РФ (Степашин, 2004), «...вообще отсутствовали нормы и критерии, ограничивающие преобразования одной формы собственности в другую... из акционированных к 1995 г. 1110 предприятий ВПК 20% были объявлены неплатежеспособными». Тот же доклад сообщает, что «...малоизвестная американская компания Nic and Si Corporation, действуя через подставную фирму, скупила пакеты акций 19 авиационных предприятий оборонно-промышленного комплекса». Приватизация сразу стала широчайшим полем для «как бы законных» (т.е. нормативно не запрещенных) злоупотреблений.

Так, один из таких «приватизаторов», в тот момент аспирант (позже – хозяин «Уралмаша» и «Ижорских заводов», учредитель Объединенной машиностроительной корпорации) Каха Бендукидзе в интервью Financial Times от 15 июля 1995 г. заявил: «Для нас приватизация была манной небесной. Она означала, что мы можем скупить у государства на выгодных условиях то, что захотим. И мы

приобрели жирный кусок из промышленных мощностей России. Захватить “Уралмаш” оказалось легче, чем склад в Москве. Мы купили этот завод за тысячную долю его действительной стоимости»⁴.

Еще хуже дело обстояло со злоупотреблениями законодательно запрещенными. Уже 1992 г. вошел в историю России как год вопиющей финансовой преступности (фальшивые авизо, создание фиктивных фирм и пр.). Огромный масштаб приобрели контрабанда и хищения выручки от внешнеторговых операций. Хотя общий объем экспорта возрос более чем в 2 раза, доходы России от экспортных продаж не увеличились (Фигурнов, 1996). По данным ЦБ РФ в 1992 г. в Россию не вернулось около 60% валютной выручки от экспорта, в 1993 г. – около 35, в 1994 г. – около 12% (Кувалин, 2009).

В 1993–1994 гг. в России развернулась широкомасштабная криминальная война за собственность с десятками тысяч случаев физической расправы над конкурентами и многими тысячами убийств. При этом, как сообщало постановление Госдумы РФ, выпущенное в марте 1998 г., в 1997 г. 40% частного бизнеса, до 60% госпредприятий и до 85% банков в России полностью или частично контролировали организованные преступные группировки (ОПГ)⁵.

Наконец полукриминальные или просто криминальные механизмы приватизации крупнейших национальных активов за бюджетные деньги в конце 1995 г. по схеме так называемых залоговых аукционов (Степашин, 2004) окончательно обнажили ориентацию властно-корпоративной группировки, управлявшей Россией, на полный отказ от соблюдения при передаче частному бизнесу бывшей

⁴ Цит. по: *Капа-Мурза С.Г.* Потерянный раз-ум. М.: Эксмо, 2008. С. 258.

⁵ Постановление Государственной Думы Федерального собрания РФ ГД от 20 марта 1998 г. № 2318-II «О преодолении кризиса в экономике Российской Федерации». URL: http://www.projects.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_72868.html.

общенародной собственности хотя бы каких-то норм закона и этических принципов равенства и справедливости.

Мы не ставим здесь целью представить подробный разбор ошибок и злоупотреблений, связанных с «маркетизацией» российской экономики. Этот процесс достаточно подробно рассмотрен в отечественной литературе (Петраков, 1998; Радаев, 1999; Рывкина, 1999; Львов, 2000; Латов, 2001; Косалс, Рывкина, 2002; Меньшиков, 2004; Бунич, 2005; Барсукова, 2006).

Отметим лишь, что производство продукции российской промышленности и сельского хозяйства к концу XX в. обрушилось в сравнении с 1990 г. почти вдвое, а легкая и лесная промышленность были уничтожены почти полностью⁶.

Приведем несколько авторитетных объяснений и оценок способов и результатов российской «маркетизации».

Анатолий Чубайс: «У коммунистических руководителей была огромная власть – политическая, административная, финансовая... Мы не могли выбрать между “честной” и “нечестной” приватизацией, потому что честная приватизация предполагает четкие правила, установленные сильным государством, которое может обеспечить соблюдение законов. В начале 1990-х гг. у нас не было ни государства, ни правопорядка... Нам приходилось выбирать между бандитским коммунизмом и бандитским капитализмом» (Ostrovsky, 2004).

Джеффри Сакс, экономический советник президента РФ Б.Н. Ельцина, в интервью «Независимой газете» заявил: «Главное, что подвело нас, это колоссальный разрыв между риторикой реформаторов и их реальными действиями... они сочли, что дело государства – служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег и поскорее. Это не шоковая терапия.

Это злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей» (Сакс, 1998).

Янош Корнай: «Возможно, наиболее печальным примером провала стратегии ускоренной приватизации служит Россия... навязанная стране ваучерная приватизация вкупе с массовыми манипуляциями при передаче собственности в руки менеджеров и приближенных чиновников... привела к развитию абсурдной, извращенной и крайне несправедливой формы олигархического капитализма» (Корнай, 2000).

Джозеф Стиглиц: «Величайший парадокс в том, что их (российских реформаторов) взгляды на экономику были настолько неестественными, настолько идеологически искаженными, что они не сумели решить даже более узкую задачу увеличения темпов экономического роста. Вместо этого они добились чистейшего экономического спада. Никакое переписывание истории этого не изменит» (Stiglitz, 2003).

В 2000 г. первый заместитель министра внутренних дел России Владимир Козлов признал, что 40% российской экономики контролируется преступниками: «Криминальные структуры буквально разрывают государственную собственность» (цит. по: (Леонов, 2005)).

Доклад Счетной палаты РФ позже констатировал: «Нарушения... выявленные в ходе приватизации, дают основания полагать, что основной проблемой современного этапа политико-правового реформирования в России является отсутствие легитимной частной собственности» (Степашин, 2004).

Проведенные позднее социологические опросы более чем убедительно показывают социальный результат рассматриваемых «рыночных» реформ. «По данным Левада-центра, в 2000–2007 гг. доля выступавших за полный или частичный пересмотр итогов приватизации колебалась в пределах 78–83%, тогда как доля готовых оставить их без изменений – в пределах 7–15%. Близкие результаты были

⁶ *Полинов М.Ф.* Рыночные реформы в 1990-е годы и их последствия для промышленности России // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2005. Вып. 1.

получены в одном из обследований РОМИР (2003 г.): за полную или частичную деприватизацию высказались 77%, против – 18%. В том же интервале лежат и оценки ИСПИ РАН (2006 г.): соответственно 81% и 17%. При таком единодушии в восприятии результатов приватизации едва ли удивительно, что 77% российских граждан полагают, что хозяева крупной частной собственности владеют ею не по праву, тогда как в обратном убеждены лишь 10%»⁷.

Проведенный осенью 2017 г. опрос ВЦИОМ на эту же тему показал, что оценки российской приватизации российским социальным большинством оказываются устойчиво негативными и по сей день: через 25 лет после начала постсоветской маркетизации экономики отрицательно оценивают приватизацию 73% респондентов, причем у работающих в коммерческой сфере негативных оценок даже больше, чем у работающих в государственной сфере⁸.

Отметим, что главный поток критики российских реформ за все истекшие годы относится к негативным оценкам экономической политики власти в сфере правоустановления и правоприменения. Тем не менее достаточно заметная часть аналитики реформ посвящена другой важнейшей теме: формированию и закреплению глубокого разрыва между формальной нормативностью «рыночного» законодательства («внешней» нормативностью государства) и неформальной нормативностью укорененных в обществе морально-этических принципов («внутренней» нормативностью граждан).

Причем ряд аналитиков отмечает, что этот разрыв нередко противоречив и парадоксален: неформальная нормативность крайне разнородна и различается у акторов, находя-

щихся не только на разных уровнях участия в предпринимательской деятельности, но и в внутри каждого из этих уровней. Иными словами, российское постсоветское общество характеризуется глубокой внутренней противоречивостью или даже «разорванностью» массового этического сознания.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ РЕЗУЛЬТАТ МАРКЕТИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Тема опасности разрыва между нормативами законодательства и неформальными нормами в постсоветской России и в мире активно обсуждается с начала нового века как российскими (Латов, Нестик, 2002; Заславская, 2002; Попова, 2004; Сухарев, 2004; Осипов, 2007; Гринберг, 2007; Митрополит Кирилл, 2008; Зорькин, 2016), так и зарубежными (Sen, 1987; Норт, 1997; Хедлунд, 2015) исследователями.

По сути, авторы перечисленных публикаций признают, что маркетизация экономики, проведенная по сценарию российских реформаторов, привела не только к вопиющему нормативному разрыву между экономическим законодательством и внутренними этическими представлениями российских масс, но и к *катастрофическому морально-этическому «повреждению» всего социально-го бытия.*

В этом смысле представляется совершенно верным тезис Р. Рывкиной (Рывкина, 1999) о том, что не только массовые этические представления влияют на экономическую реальность, но справедливо и обратное: влияние экономической реальности на массовую этико-нормативную среду. «Зародившиеся в экономике поведенческие стереотипы переносятся в другие сферы, т.е. над теневыми экономическими стереотипами надстраиваются аналогичные им теневые социальные стере-

⁷ Капелюшников Р. Собственность без легитимности. 28 марта 2008 г. URL: <http://www.polit.ru/analytics/2008/03/27/sobstv.html>.

⁸ Опрос показал отношение россиян к приватизации 90-х гг. URL: <https://ria.ru/society/20171002/1505992506.html>.

отипы, действующие в политической, правовой, педагогической, культурной, медицинской, спортивной и других областях».

То же самое, по сути, признает и член-корреспондент РАН Р. Гринберг: «Среди составляющих той непомерной социальной цены, которую пришлось заплатить за радикальные экономические реформы в России, – пренебрежение нравственно-психологическим миром человека... интенсивное искоренение морально-этической составляющей социального бытия» (Гринберг, 2007).

О том же с позиций социологии пишет и академик РАН Г.В. Осипов, подчеркивая, что *реформы катастрофически обрушили традиционные для России представления о социальной справедливости* (Осипов, 2007). И о том же говорит такой, казалось бы, весьма далекий от экономики общественный деятель, как Митрополит Смоленский и Калининградский (ныне Патриарх РПЦ) Кирилл: *«Закон имеет шанс работать только в том случае, если он соответствует нравственной норме»* (Кирилл..., 2008).

Конечно же, эти наблюдения не связаны решающим образом со спецификой маркизации экономики, проведенной в последние десятилетия в России. Напомним, что А. Смит до общеизвестного «Рассуждения о богатстве народов» опубликовал другую, сегодня гораздо менее известную «Теорию нравственных чувств» (Смит, 1997). В этой работе А. Смит формулировал в том числе требования к общесоциальной и предпринимательской этике рыночного общества. Напомним также, что теоретический и политический «экономизм», пренебрегающий взаимосвязью экономического порядка с общественной нравственностью, жестко критиковали А. Токвиль, К. Поланьи, а затем А. Сен и многие институционалисты, начиная с Д. Норта.

А. Сен, например, писал: «Экономическая наука имеет два скорее различных основания: “этику” и “инженерию”... Современная экономическая теория оказалась сильно обедненной из-за продолжающегося расхождения этики и экономики» (Sen, 1987).

Д. Норт указывал: «Когда институциональная система делает наиболее прибыльной экономической деятельностью пиратство, знания и навыки развиваются совсем в другом направлении, чем в том случае, когда экономические возможности определяются расширением производства» (Норт, 1997).

С. Хедлунд прямо объяснял провал российских реформ именно глубоким расхождением между писаными и неписаными правилами российской жизни: «Изменения одних лишь формальных правил игры в случае СССР было совершенно недостаточно. Неформальные нормы “старше” формальных: первые обеспечивают вторым легитимность, говорит институциональная теория. И если писанные правила жизни слишком отклоняются от неписанных, практика отнюдь не следует бумажным предписаниям. Результат – системный провал» (Хедлунд, 2015).

Отметим, что многие экономисты – сторонники неоклассической (неолиберальной) методологии анализа – уже давно пытаются включить криминальное предпринимательство и коррупцию в свою методологическую логику и соответствующие модели. Этика при таком подходе вообще не обсуждается как фактор социальной и экономической жизни, а криминальность рассматривается как один из механизмов оптимизации обеспечения интересов в условиях ограниченности ресурсов. Одним из пионеров такого подхода стал Г. Беккер (Becker, 1968).

Примерно этот же подход фактически развивают работы ряда западных экономистов (например, К. Хоманн, Ф. Бломе-Дрез), утверждавших, что этическая сфера предпринимательства целиком и полностью относится к сфере формализованных и соблюдаемых актором норм рынка, «внешних» по отношению к собственно бизнесу, и что «системным местом морали в рыночной экономике является рамочный порядок» (Хоманн, Бломе-Дрез, 1992). Далее такой же подход развивали и другие исследователи – в частности, Э. де Сото (Сото, 1995) и С. Роуз-Аккерман (Роуз-Аккерман, 2003).

Такой подход, по сути, определяет криминальность и коррупцию как рациональный, хотя и нелегальный способ сокращения издержек наряду с другими, легальными, способами и фактически предлагает смириться с незаконными практиками подобного рода как экономически эффективной нормой. Еще раз подчеркнем: социально-психологический и морально-этический аспект таких предпринимательских практик при указанном подходе вообще не рассматривается, как не имеющий отношения к рыночной реальности.

Отметим, что при таком подходе фактически полностью выводится «за рамки экономики» вопрос классической юридической науки: о взаимном соответствии правоустанавливающих норм и массовых представлений о справедливом и должном, т.е. о необходимости морально-этической легитимации экономического законодательства, а также и вопрос о приемлемости рыночного порядка, включающего в качестве регулятивных механизмов неопределенную «смесь» писаных законов и неморальных и откровенно неэтичных предпринимательских практик.

Отметим также, что такой подход нередко оправдывается тем, что подобные «неформальные практики» стали средством сравнительно мягкой адаптации предпринимательского сообщества и общества в целом к проводимым реформам и тем самым сделали эти реформы возможными.

Судя по политике экономического блока российской власти, реализуемой в годы маркетизации России, наши реформаторы исповедовали именно такой концептуальный подход и использовали именно такие оправдания. И получили, как показали исследования (Капелюшников, 2008) и приведенные выше данные социологических опросов, *массовую убежденность граждан страны в нелегитимности и несправедливости постсоветского распределения частной собственности, а также катастрофическое недоверие к действиям власти в сфере экономического законодательства и применения законов.*

То есть мы в России до сих пор фактически находимся в ситуации массового ощущения нелегитимности частной собственности (в особенности крупной), а также столь же массового ощущения нелегитимности государственной политики маркетизации экономики страны, которая привела к такой ситуации.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕЛЕГИТИМНОСТИ СОБСТВЕННОСТИ

Отметим, что сомнительную легитимность российской частной собственности ощущают не только те, кому такой собственности не досталось. Ее ощущает и значительная часть предпринимательского сообщества, особенно на фоне негативного отношения к себе со стороны широких масс граждан и понимания, что у владельца этой собственности в России почти всегда в какой-то мере «рыльце в пушку». О том, что это так, напоминают в том числе регулярно появляющиеся в России исследования возможной в будущем деприватизации (ренационализации) существующей в стране частной собственности (см., например, (Нуреев, Рунов, 2002)). Ощущение – «*мое, но надолго ли мое*» – глубоко негативно влияет и на предпринимательские стратегии, и на отношение к бизнесу новой российской бюрократии.

Многие исследователи признают, что именно неуверенность в легитимности собственности и устойчивости права владения у значительной части российского предпринимательства в большой степени ответственна за такие феномены, как стремление «отжимать досуха» сомнительно приобретенные активы, отказ от долгосрочных инвестиций, навыки прятать прибыли в офшорах, а также вкладывать их в зарубежную недвижимость или пускать на «престижное» потребление. Кроме того, российская экономическая действительность в результате такой специфики

отечественного бизнеса оказывается переполнена негативными экстерналиями – от грубых экологических нарушений до негласных и неявных «подрывных» вмешательств в бизнес-процессы конкурентов.

И это хорошо понимает отечественная бюрократия. Отметим, что, как признает большинство исследователей, с начала нынешнего века в России наблюдается искоренение бандитских практик рэкета и грабежей предпринимателей, а также попыток крупного бизнеса коррупционным образом влиять на политику, т.е. «покупать государство» (Паппэ, Галухина, 2009).

Однако этот процесс, как утверждают многие авторы, сопровождается ростом скрытого коррупционно-административного давления на бизнес (Отчет фонда «Индем»..., 2005; Милов, Немцов, 2008). Иными словами, постсоветская практика 1990-х гг. – силовые рейдерские захваты предприятий или их продажа задешево в результате криминальных «предложений, от которых нельзя отказаться», – сменяется достаточно распространенной практикой *коррупционных поборов* или даже *отъема собственности* через местные административные, надзорные и правоохранительные органы, а также через сомнительно-правовые судебные решения.

Конечно, нельзя утверждать, что власть с этой тенденцией совсем не борется. По данным, которые приводит Генпрокуратур РФ Ю. Чайка (Чайка, 2016), органы прокуратуры, получившие в сфере расследования коррупционных преступлений очень широкие полномочия, эти полномочия используют все более эффективно. Кроме того, сыграли свою роль и законодательные инициативы президента РФ В. Путина, ужесточающие уголовное наказание за «чиновный беспредел» в отношении бизнеса (Лехницкая, 2016).

Однако одновременно нельзя не признать, что это борьба не с причинами, а со следствиями. Причина же в том, что во всех слоях российского общества, связанных с управлением экономикой и хозяйственной деятельностью, рассматриваемая эпоха марке-

тизации России *почти полностью разрушила* часть того «морального закона внутри нас», о котором говорил И. Кант (Кант, 2007) и который регулирует этическую сферу предпринимательства.

Это, по нашему мнению, означает, что, ужесточая борьбу с коррупцией и экономическими преступлениями в современной России, необходимо одновременно сделать особый (не побоимся этого слова – стратегический!) акцент на борьбе с социокультурными морально-этическими причинами экономической преступности. Начиная с решения проблемы легитимации российской частной собственности (как мы видим, сохраняющей свою остроту) и продолжая широким, продуманным и активным комплексом мер, способных обеспечить восстановление и в общесоциальной, и в предпринимательской среде здоровой морально-этической нормативности.

Представляется, что вопрос о том, каковы могут быть движущие силы, программы и механизмы такой борьбы «за исправление нравов», на сегодняшний день является одним из самых важных вопросов российского государственного будущего.

ВЫВОДЫ

1. Советская социальная среда при всех революционных потрясениях XX в. в основном сохраняла и воспроизводила традиционный тип российской коллективистской общесоциальной этики, базирующийся на культурных кодах русского православия и других авраамических религий. Этот же тип этики в основном сохранялся и в рыночном секторе советской экономики, включая индивидуальное предпринимательство, а также кооперативы и артельные промысловые и строительные работы.

2. Проведенные в СССР-России «перестройка» и постсоветские политические, социальные, культурные, экономические

трансформации на уровне полной смены государственного строя сопровождались массовой атакой на морально-ценностный фундамент общества, на его этические основания. По сути, обществу, в основном погруженному в советскую ценностно-этическую нормативность, навязывалась инверсия морально-нравственных представлений о справедливом и должном, о добре и зле. Это не могло не привести к массовому разрушению общесоциальной и экономической этики.

3. Маркетизация позднесоветской и постсоветской экономики происходила в условиях практического отсутствия или непроработанности формально-законодательных и этически нормативных институциональных условий, способных обеспечить устойчивую легальную работу рыночных механизмов.

При этом, поскольку в России вообще не было обязательного для классической рыночной экономики периода легального накопления капитала, а законные сбережения граждан оказались практически полностью уничтожены беспрецедентной гиперинфляцией, основная приватизация бывшего общенародного имущества СССР происходила за счет теневых и криминальных капиталов, а также за счет махинаций властной элиты с включением в процесс приватизации – от имени частных компаний и банков – средств государственного бюджета.

4. В то же время проектный план постсоветской российской власти по смене социально-государственного и экономического строя в стране был представлен в формате *неолиберальной доктрины*, центром которой – и условием политической демократии и человеческих свобод – объявлялась частная собственность. По этой причине незаконность создания больших объемов частной собственности в России и нелегитимность этой собственности в глазах подавляющего большинства наших граждан оказываются одними из главных препятствий для дальнейшего развития страны.

5. В ходе экономической, социальной и политической трансформации постсоветской России происходило, как отмечают многие ис-

следователи, глубокое разрушение прежних морально-этических оснований массового социального и экономического бытия без их полноценного замещения какими-либо новыми, прочными и «человекосообразными» морально-этическими основаниями. Разрушение этического фундамента деятельности граждан отмечается в России во всех сферах: от экономики до культуры, от образования до науки, от обороны и безопасности до законодательных, исполнительных и судебных органов власти.

Одновременно отмечается, что одним из механизмов таких этических трансформаций стали пропаганда и поощрение максимальной потребительской активности граждан – и как признака успешности, и как способа повышения самооценки. Если пользоваться терминологией Э. Фромма (Фромм, 1998), огромная часть российского общества в своих жизненных целевых ориентациях оказалась смещена от цели «быть» к цели «иметь».

6. Эти процессы в условиях соединения непроработанной или сознательно искажаемой корпоративными лоббистами законодательной базы рыночной экономики («внешней» нормативности) с резко ослабленным морально-этическим сознанием российского общества («внутренней» нормативностью), активно разрушаемой процессом изменения государственного строя, привели к широкому распространению *аномии*⁹ не только в экономике и предпринимательской среде, но и во всех сегментах и институтах отечественной государственности и во всех социальных группах.

7. Следствиями разрушения основы создаваемого в России нового государственного, экономического и социального слоя – законной частной собственности, укорененной и легитимированной в новой массовой морально-этической норме, – стали крайне опасные для общества и государства процессы, кото-

⁹ Аномия (от фр. *anomie* – беззаконие, безнормность) – социологическое понятие, определяющее поведенческие стереотипы человека, не ограниченные какими-либо внутренними моральными правилами.

рые можно назвать «ползучей криминализацией» массового сознания.

В частности, и для предпринимателей, и для чиновников криминализация экономической деятельности и коррупция превратились в своего рода хозяйственные рутины, в почти обыденный негласный «параллельный налог» на небесспорную легитимность собственности и сомнительную законность способов ведения бизнеса. Одновременно коррупция и мелкие экономические преступления, в том числе на бытовом уровне, стали привычным и уже морально почти не осуждаемым явлением в самых широких слоях российского общества. Приходится признать, что объявленная А. Ракитовым (см. выше) цель *«смены российского культурного ядра»* в этом смысле оказалась в значительной степени достигнутой.

Эта тенденция превращения аномии в новую норму, конечно же, предопределяет не только фундаментальные проблемы повышения эффективности российского предпринимательства, но и не слишком обнадеживающие перспективы развития нашей национальной экономики, политики, общественной жизни.

8. Представляется, что единственным радикальным (хотя чрезвычайно сложным и явно не одномоментным) выходом из такой опасной ситуации является кардинальное, целенаправленное и настойчивое изменение российской государственной политики в двух основополагающих сферах – законодательной и социокультурной.

9. В сфере российского законодательства и судебно-правовой практики в части регулирования предпринимательства («внешней» нормативности государства) необходимо осуществить переход к подчеркнуто жесткому доопределению правовых норм в направлении их безусловного и однозначного толкования, к ужесточению наказаний за нарушение законности и к столь же жесткому контролю точности исполнения законов.

Подчеркнем, что эта жесткость должна относиться не только к собственно законам, но и к министерским и ведомственным подзаконным актам, многие из которых оказывают

ся открытыми для неоднозначных толкований и, по выражению ряда юристов, чрезвычайно «взяткоемкими».

10. В сфере социокультурной государственной политики во всех ее сегментах, начиная с образования, воспитания и культуры, и, в особенности, в массовых СМИ, необходим переход к политике, исключаящей пропаганду такой морально-этической нормативности, которая грубо противоречит ценностям добра и справедливости, укорененным в ядре национальной культуры.

В этой сфере не должно быть массовых изданий пособий по уходу от налогов и «бестселлеров» о выстраивании отношений с другими людьми на принципах «обеспечения и демонстрации личного превосходства». В ней не должно быть массового производства телесериалов о «хороших бандитах» и о том, что «проститутки тоже страдают», которыми сейчас заполнено большинство отечественных телеканалов. В ней не должно быть воспевания «престижного потребления», пропаганды толерантности к сексуальным перверсиям (в особенности в отношении детей и подростков), не должно быть навязывания таких «художественных» образцов современного искусства в живописи, скульптуре, театре, литературе, которые адресуют к низменным и животным инстинктам человека.

11. В условиях чрезвычайно высокого уровня открытости России внешнему миру, в первую очередь миру Запада, в нынешнюю эпоху информационной глобализации и Интернета фундаментальные преобразования российской правовой и, в особенности, социокультурной реальности, названные в пп. 9, 10, представляются трудноосуществимыми.

12. В то же время сегодня уже ясно, что рекомендации западных «партнеров» России, которые стали программой российских государственных и экономических реформ, были отчасти следствием глубочайшего непонимания того, что такое государственное и экономическое устройство СССР, а отчасти – продолжением холодной войны, т.е. прямыми акциями политической, социальной, эко-

номической, информационной войны против России.

13. При этом нынешний этап новой холодной войны Запада против России, начатый после введения санкций в 2014 г., однозначно показывает, что эффективным ответом на информационно-пропагандистское наступление Запада стали, с одной стороны, контрпропагандистские меры на западных информационных рынках (сети телерадиовещания Russia Today, Sputnik), а с другой – частичное закрытие информационного пространства России от западной пропаганды.

Представляется, что определенное закрытие информационного (и в какой-то мере правового) пространства России от «культурного» западного потока, разрушающего в России «ядро культуры» вместе с его этикой и морально-нравственными представлениями о справедливом и должном, в условиях новой холодной войны имеет право быть и уместным, и необходимым.

14. Представляется также, что без перечисленных мер, проводимых жестко и последовательно во всех сферах общественной жизни (и, повторим, прежде всего в воспитании, образовании, информации, культуре), решить задачи полноценной легитимации и устойчивого эффективного развития постсоветского общества и постсоветской экономики не удастся.

Список литературы

- Барсукова С.Ю. Теневая экономика и теневая политика: механизм сращивания: препринт WP4/2006/01. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.
- Бунич А. Квазилиберальное двоемыслие и парадоксы приватизации // Литературная газета. 2005. 4 июля.
- Гринберг Р.С. Пятнадцать лет рыночной экономики в России // Вестник РАН. 2007. Т. 77. № 7. С. 584–592.

- Заславская Т.И. О социальных факторах расхождения формально-правовых норм и реальных практик // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики; под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002.
- Зорькин В. Доверие к праву – путь разрешения глобальных кризисов // Российская газета. 2016. 19 мая.
- Кант И. Критика практического разума. М.: Ozon.ru, 2007.
- Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Духовно-нравственные основы современного российского общества // Богомолов О.Т. Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 372–380.
- Корнаи Я. «Путь к свободной экономике»: десять лет спустя (переосмысливая прошлое) // Вопросы экономики. 2000. № 12.
- Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России // Социологические исследования. 2002. № 4.
- Кувалин Д.Б. Экономическая политика и поведение предприятий: механизмы взаимного влияния. М.: МАКС Пресс, 2009.
- Латов Ю.В. Экономика вне закона: очерки по теории и истории теневой экономики. М.: МОНФ, 2001. Гл. 6 (§ 6.3).
- Латов Ю.В., Нестик Т.А. «Плохие» законы или культурные традиции? // Общественные науки и современность. 2002. № 5.
- Леонов Н.С. Крестный путь России. М.: Эксмо, 2005.
- Лехнищкая Д. Путин заступился за бизнес: За уголовные дела против невиновных силовики и чиновники могут сесть в тюрьму на 10 лет // Комсомольская правда. 2016. 30 окт.
- Львов Д.С. Пора отказаться от догм // Поиск. 2000. № 44.
- Меньшиков С.М. Анатомия российского капитализма. М.: Международные отношения, 2004.
- Милов В., Немцов Б. Коррупция разъедает Россию // Лоббист. 2008. № 1.
- Норт Д.К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- Нуреев Р.М., Рунов А.Б. Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти-собственности в

- исторической перспективе) // Вопросы экономики. 2002. № 6.
- Осинов Г.В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. М.: Норма, 2007.
- Отчет фонда «Индем». Во сколько раз увеличилась коррупция за 4 года? Проект «Диагностика российской коррупции»: краткое изложение результатов. 2005. URL: http://www.anti-corr.ru/indem/2005diagnost/2005diag_press.doc.
- Папээ Я.Ш., Галухина Я.С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009.
- Петраков Н.Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика, 1998.
- Попова И.М. Моральное оправдание и нормативная составляющая теневых практик (К постановке проблемы) // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 1.
- Радаев В. Теневая экономика в России: изменение контуров // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 1.
- Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство: Причины, следствия, реформы. М.: Логос, 2003.
- Рывкина Р. От теневой экономики к теневому обществу // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 1.
- Сакс Дж. Интервью // Независимая газета. 1998. 31 дек.
- Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997.
- Сото Э., де. Иной путь: Невидимая революция в третьем мире / пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Catallaxy, 1995.
- Степашин С.В. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годов (экспертно-аналитическое мероприятие). Руководитель рабочей группы – Председатель Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашин. М.: Олита, 2004.
- Сухарев М. Социальные антиинституты // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 5. URL: <http://www.ecsoc.msses.ru/issues/2004-5-5/index.html>.
- Фигурнов М. Тенденции мирового развития // Диалог. 1996. № 3.
- Фромм Э. Психоанализ и религия. Искусство любить. Иметь или быть? Киев: Ника-Центр, 1998.
- Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2015.
- Хейфец Б. Вернуть пропавшие долги // Российская Федерация сегодня. 2007. № 15.
- Чайка Ю. Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки информационному агентству «Интерфакс». 2016. 8 дек. URL: <https://genproc.gov.ru/genprokuror/interview/document-1145087/>.
- Черных Е. Если ваучеры обезличили, значит, это кому-то было нужно! / Комсомольская правда. 2012. 16 авг.
- Becker G.S. Crime and punishment: An economic approach // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. № 2. P. 169–217.
- Homann K., Blome-Drees F. Wirtschafts und unternehmensethik. Gottingen, Zurich: Vandenhoeck & Ruprecht, 1992.
- Ostrovsky A. Father to the oligarchs // The Financial Times. 2004. Nov. 13.
- Sen A. On ethics and economics. Oxford; N.Y.: Basil Blackwell, 1987.
- Stiglitz J. The ruin of Russia. Wed. BST, 2003. 9 Apr. URL: <https://www.theguardian.com/world/2003/apr/09/russia.artsandhumanities>.

Рукопись поступила в редакцию 24.03.2017 г.

TRANSFORMATIONS OF ENTREPRENEURIAL ETHICS IN THE IMPERIAL, SOVIET AND POST-SOVIET RUSSIA: PARADOXES AND PROBLEMS. PART 2

L.S. Chernoy

Lev S. Chernoy, Institute for Prospective Scientific Studies, Moscow, Russia, info@mir.ru

The article examines the specifics and history of the formation of entrepreneurial ethics in pre-revolutionary Russia, as

well as its transformations in the course of Russian revolutions, in the Soviet era during the New Economic Policy period. Research embraces the transformations in cooperative/ artel types of business at a later stage, in the “shadow” system of private entrepreneurship, and finally, in the times of the late Soviet and post-Soviet reforms. It is shown that several stages of breaking the mass ethical norm “at the turns of the epochs” – could not but lead to serious destruction of the moral oriented basis of life in all social groups and in all strata of society. It is shown, that the «turns of the epochs» caused lasting and painful fractures between the outward normality of the state (the norms of written law) and the internal normality of citizens, communities and society (mass morality and the “customary law”). It is shown, that during the Soviet period, in the process of organizing economic life, authorities largely relied on the successive moral community specificity of mass self-awareness, including community forms of collective encouragement and punishment, as well as on religious ethical precepts transformed in the terminology of communism. It is established, that the late Soviet and post-Soviet so called “market” transformations of economic legislation, the purposeful discrediting of mass normative and ethical views of the Soviet era, as well as illegal and fraudulent privatization of substantial part of Soviet public property, led to deep chaos in the entire Russian institutional and regulatory system that ensures economic activity and social sustainability. It is shown, that this creates serious obstacles to the successful development of Russian statehood.

Keywords: entrepreneurial ethics, cooperatives, artel, marketization, informal institutions, criminalization, corruption, negative externalities.

JEL: N80.

References

- Barsukova S.Yu. (2006). The shadow economics and the shadow politics: the mechanism of interlocking. Preprint WP4/2006/01. Moscow, Izd. dom GU VShE (in Russian).
- Becker G.S. (1968). Crime and punishment: An economic approach. *Journal of Political Economy*, vol. 76, no. 2, pp. 169–217.
- Bunich A. (2005). Quasi-liberal doublethink and paradoxes of privatization. *Literaturnaya gazeta*, 4 July (in Russian).
- Chaika Iu. (2016). Interview of the Prosecutor General of the Russian Federation Yuri Chaika to the Interfax news agency (in Russian). URL: <https://genproc.gov.ru/genprokuror/interview/document-1145087>.
- Chernykh E. (2012). If the vouchers were depersonalized, then it was someone who needed it! *Komsomol'skaia Pravda*, 6 Aug. (in Russian).
- Figurnov M. (1996). Trends in world development. *Dialog*, no. 3, pp. 12 (in Russian).
- Fromm E. (1998). Psychoanalysis and religion. The art of love. To have or to be. Kiev, Nika-Tsentr (in Russian).
- Grinberg R.S. (2007). Fifteen years of market economy in Russia перевод. *The Russian Academy of Sciences Bulletin*, vol. 77, no. 7, pp. 584–592 (in Russian).
- Hedlund S. (2015). Invisible hands, Russian experience, and social science: approaches to understanding systemic failure. Moscow, Izd. dom NIU VShE (in Russian).
- Homann K., Blome-Drees F. (1992). *Wirtschafts und Unternehmensethik*. Gottingen, Zurich, Vandenhoeck & Ruprecht.
- Kant I. (2007). Critique of Practical Reason. Moscow, Ozon.ru (in Russian).
- Kheifets B. (2007). Repay the lost debts. *Rossiiskaia Federatsiia segodnia*, no. 15 (in Russian).
- Kornai Ya. (2000). “Way to a free economy”: Ten years later (rethinking the past). *Voprosy ekonomiki*, no. 12 (in Russian).
- Kosals L.Ia., Ryvkina R.V. (2002). Formation of the institutions of the shadow economy in post-Soviet Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4 (in Russian).
- Kuvalin D.B. (2009). Economic policy and enterprise behavior: Mechanisms of mutual influence. Moscow, MAKS Press (in Russian).
- Kyryll, Metropolitan of Smolensk and Kaliningrad. (2008). Spiritual and moral foundations of modern Russian society). Economics and the public environment: unconscious mutual influence. Bogomolov O.T. Moscow, pp. 372–380 (in Russian).
- Latov Iu.V. (2001). Economics out of the law: essays on the theory and history of the shadow economy. Moscow, MONF, ch. 6, par. 6.3 (in Russian).

- Latov Iu.V., Nestik T.A. (2002). What is “bad” – the laws or the cultural traditions? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5 (in Russian).
- Lekhnitskaia D. (2016). Putin stood up for business: For criminal cases against innocent security officials and officials can go to jail for 10 years. *Komsomol'skaia Pravda*, 30 Oct. (in Russian).
- Leonov N.S. (2005). Russia's way of the cross. Moscow, Eksmo (in Russian).
- L'vov D.S. (2000). It's time to give up dogmas. *Poisk*, no. 44 (in Russian).
- Men'shikov S.M. (2004). Anatomy of Russian capitalism. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia (in Russian).
- Milov V., Nemtsov B. (2008). Corruption corrodes Russia. *Lobbist*, no. 1 (in Russian).
- Nort D.K. (1997). Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. Moscow, Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala» (in Russian).
- Nureev R.M., Runov A.B. (2002). Russia: Is deprivatization inevitable? (The phenomenon of power-ownership in the historical perspective). *Voprosy ekonomiki*, no. 6 (in Russian).
- Osipov G.V. (2007). Sociology and society. Sociological analysis of Russian turmoil. Moscow, Norma (in Russian).
- Ostrovsky A. (2004). Father to the Oligarchs. *The Financial Times*, 13 Nov.
- Pappe Ia.Sh., Galukhina Ia.S. (2009). Russian big business: The first 15 years. Economic Chronicles 1993–2008. Moscow, Izd. dom GU VShE (in Russian).
- Petrakov N.Ia. (1998). Russian roulette. The economic experiment which cost 150 million lives. Moscow, Ekonomika (in Russian).
- Popova I.M. (2004). Moral justification and normative component of shadow practices (To the formulation of the problem). *Sotsiologiia: teoriia, metody, marketing*, no. 1 (in Russian).
- Radaev V. (1999). The shadow economy in Russia: Changing contours. *Pro et Contra*, vol. 4, no. 1 (in Russian).
- Rouz-Akkerman S. (2003). Corruption and the state: Reasons for emergence, consequences, reforms. Moscow, Logos (in Russian).
- Ryvkina R. (1999). From the shadow economy to the shadow society. *Pro et Contra*, vol. 4, no. 1 (in Russian).
- Saks D. (1998). Interview. *Nezavisimaia gazeta*, 31 Dec. (in Russian).
- Sen A. (1987). On ethics and economics. Oxford and New York, Basil Blackwell.
- Smith A. (1997). The theory of moral sentiments. Moscow, Respublika (in Russian).
- Soto E. de. (1995). The other path: The invisible revolution in the Third World. Moscow, Catallaxy (in Russian). URL: <http://www.ecsoc.msses.ru/issues/2004-5-5/index.html>.
- Stepashin C.V. (2004). The report “Analysis of the processes of privatization of state property in the Russian Federation for the period 1993–2003 (expert-analytical exercise)”. Head of the working group Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation S.V. Stepashin. Moscow, Olita (in Russian).
- Stiglitz J. (2003). The ruin of Russia. Wed, 9 Apr. BST. URL: <https://www.theguardian.com/world/2003/apr/09/russia.artsandhumanities>.
- Sukharev M. (2004). Social anti-institutions. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia*, vol. 5, no. 5 (in Russian).
- The report of the “Indem” Foundation. How many times has corruption increased over 4 years? “Diagnostics of Russian corruption” project: A summary of the results (in Russian). URL: http://www.anticorr.ru/indem/2005diagnost/2005diag_press.doc.
- Zaslavskaiia T.I. (2002). On the social factors of the divergence of formal legal norms and real practices. Where is Russia going? Formal institutions and real practices. Ed. T.I. Zaslavskaiia. Moscow, MVShSEN (in Russian).
- Zor'kin V. (2016). Trust in law is the way to resolve global crises. *Rossiiskaia gazeta*, 19 May (in Russian).

Manuscript received 24.03.2017